

МАРШАЛ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ КАЗАКОВ

Василий Иванович Казаков (1898–1968) – маршал артиллерии, Герой Советского Союза – родился в деревне Филиппово ныне Бутурлинского района Нижегородской области в крестьянской семье. Был призван в армию в 1916 г. Принимал участие в Февральской революции 1917 г. С 1918 г. – в Красной армии. В Гражданскую войну был командиром артиллерийской батареи. В Великую Отечественную войну был начальником артиллерии 16-й армии, затем начальником артиллерии Брянского, Сталинградского, Донского, Центрального, Белорусского и 1-го Белорусского фронтов. Принимал участие в битве под Москвой, в Сталинградской и Курской битвах. Освобождал Белоруссию, Польшу, штурмовал Берлин. После войны был командующим артиллерией Группы советских войск в Германии, заместителем и 1-м заместителем командующего, командующим артиллерией Советской армии, начальником войск ПВО Сухопутных

войск. С 1965 г. – военный инспектор – советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Избирался депутатом Верховного Совета СССР II созыва.

Воспоминания В. И. Казакова «Курская операция» печатаются впервые.

КУРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Из неоднократных бесед с командующим фронтом, с начальником штаба я твердо уяснил идею обороны: войскам стоять насмерть на подготовленных рубежах, а затем без всякого промедления, перейти в контрнаступление. Для тыла такая обстановка гораздо более сложна, нежели «чистая» оборона или «чистое» наступление.

Эти оперативно-стратегические условия предопределяли принцип организации тыла на Курской дуге. Неоднократно изучая в послевоенное время организацию тыла Центрального и Воронежского фронтов на Курской

*Командование Центрального фронта.
(генерал В. И. Казаков – четвертый слева). Июнь 1943 г.*

дуге, у меня сложилось представление, что командование Воронежского фронта обязало начальника тыла своего фронта организовать тыл по принципу, если так можно выразиться, классической обороны: в соответствии с теорией военного искусства глубоко эшелонировать силы и средства тыла, отвести подальше в тыл склады, госпитали, ремонтные базы и проч. Эшелонирование в этом случае допускается на глубину 300 – 400 километров. Такое требование теории было полностью соблюдено на Воронежском фронте. Это гарантировало известную устойчивость тыла в случае глубокого вклинения противника. Но такая организация не могла обеспечить быстрый переход войск фронта в контрнаступление: неизбежна была длительная пауза с целью «подтягивания тылов», что и имело место в действительности.

Иного мнения придерживалось командование Центрального фронта. Оно исходило из предположения, что оборонительные бои будут непродолжительными, противник быстро исчерпает свои силы и нашим войскам будет поставлена задача немедленно перейти в контрнаступление.

В соответствии с таким пониманием обстановки начальник тыла фронта, глубоко веривший в успех замысла операции, предложил командующему план организации тыла не по оборонительному, а по наступательному варианту. Конечно, допускалось некоторое отклонение от этого принципа: наиболее «тяжелые» элементы фронтового тыла относились подальше от линии фронта: ремонтные заводы, совершенно нетранспортабельные эвакуогоспитали, мукомольно-крупяные перерабатывающие предприятия и т. п. Все же остальное, в первую очередь боеприпасы, горючее, продовольствие, полевые подвижные госпитали и другие материальные средства, сосредотачивалось возможно ближе к войскам и главным образом в районе Курска. Военный совет фронта одобрил такой план.

Но что будет, если противник прорвет нашу оборону и захватит Курск, а следовательно, и материальные запасы?

Такой тревожный вопрос ставили многие товарищи. Однако командующий фронтом твердо придерживался своей точки зрения: не войска для тыла, а тыл для войск. Тыл должен обеспечить максимальную устойчивость обороны, а не думать о возможном отступлении.

За этим последовали далеко идущие практические шаги. Так, если раньше мы выкладывали на огневые позиции артиллерии полтора-два боевых комплекта снарядов, то на Курской дуге по целому ряду калибров было выложено на землю у орудий до пяти боевых комплектов. Это имело исключительное значение. Наша пехота в морально-политическом отношении была готова «стоять насмерть». Но это имеет смысл в том случае, если артиллерия, как тогда говорили, «бог войны», безотказно поддерживает пехоту, то есть когда наряду с высоким боевым духом имеется в достаточном количестве «материя», сиречь боеприпасы. Для этого и выложили на огневые позиции столь значительное количество снарядов, хотя и вопреки теории. Если бы мы оставили половину боеприпасов на фронтовых складах, в расчете на подачу их в войска автотранспортом в ходе оборонительного сражения, то при создавшейся здесь конкретной обстановке мы не успели бы подвезти в короткий срок столь значительную массу снарядов. Наша артиллерия неизбежно испытывала бы голод в боеприпасах, что не могло не отразиться на устойчивости обороны в целом. Тоже отрицательно сказалось бы на оборонительном сражении, особенно при нанесении контрудара и переходе в контрнаступление, недостаточное количество горючего, продовольствия в непосредственной близости к войскам.

Весь последующий ход событий подтвердил правильность решения командования Центрального фронта на организацию тыла.

Объезжая боевые порядки войск, иногда казалось, что нет свободного места, где бы можно было положить еще какое-то количество снарядов. Восемнадцать соединений

и отдельных частей входило тогда в состав 13-й армии. Плотность войск и артиллерии была необычная. Но место, конечно, находилось, и подвоз необходимого имущества продолжался, все укладывалось в штабеля, по возможности укрывалось в землю, обваловывалось. Мне приятно было слушать заявление командарма Н. П. Пухова, что у него нет никаких дополнительных требований к тылу. Еще раз повстречавшись с командирами соединений 13-й армии, командующий фронтом отбыл в соседнюю 70-ю армию.

На вопрос, почему не наступаем, командующий отвечал: «Да, вот, проклятые, не начинают... А нам незачем торопиться. Пусть начнут и испытают силу нашей обороны, а затем мы им дадим духу». Такие же мысли высказывал и начальник штаба фронта М. С. Малинин.

С каждым днем обстановка на фронте становилась все более напряженной. Ставка предупреждала командующего фронтом, что противник скоро может перейти в наступление на Курской дуге, и даже назывались ориентировочные сроки – между 3 и 6 июля.

*Июль 1943 г.
(Казakov, Вахромеев,
Травкин, Жлобин)*

И действительно, захваченные в ночь на 5 июля немецкие пленные показали, что наступление немцев назначено на утро 5 июля.

В плане нашей обороны значилось проведение контрартиподготовки по районам сосредоточения ударных группировок противника. Эти районы хорошо были известны. Весь вопрос в том, когда именно, в ка-

Редкие минуты передышки. Курск. Лето 1943 г.

кой день и час начать контрподготовку. Любой просчет мог закончиться роковым образом. Получив сведения о готовящемся на рассвете наступлении фашистов, мог ли командующий фронтом тратить драгоценное время на всевозможные консультации, на разговоры с Москвой? Здесь требовалась решительность и еще раз решительность.

Свойственная К. К. Рокоссовскому острая полководческая интуиция не обманула его и на этот раз. Он принял решение на проведение контрподготовки.

Мощный артиллерийский удар контрподготовки обрушился по боевым порядкам противника, по его командным и наблюдательным пунктам, по огневым позициям артиллерии. То было начало исторической битвы под Курском – одной из самых крупных битв Великой Отечественной войны. Враг понес большие потери, еще не начав наступление. Его атака началась в 5.30 утра 5 июля 1943 года. К исходу первого дня ему удалось вклинуться в нашу оборону на 6 – 8 километров в сторону Поныри, причем на узком участке. По этому поводу начальник штаба фронта

М. С. Малинин сказал в ту же ночь, что это есть начало конца фашистского наступления на Курск, ибо первый день не увенчался успехом. Наши войска выдержали натиск и дальше не отступят.

На второй или третий день отдельным лицам из руководства фронта стало казаться, что противнику удастся прорвать нашу оборону и врезаться острием своего клина прямо в Курск. Были рекомендации немедленно эвакуировать подальше в тыл все имущество, сосредоточенное на фронтовых складах, особенно продовольствие. Сомневаясь в правомерности подобных рекомендаций, я обратился лично к командующему.

К. К. Рокоссовский сказал: «...если немцам не удалось достичь решительного успеха за первые два дня наступления, то тем менее это возможно теперь. А если же, в крайнем случае произойдет такое несчастье, то мы будем драться в окружении и я как командующий фронтом останусь с окруженными войсками».

Услышав эти слова, я подумал: неужто тыл фронта должен спешить уйти подальше от войска на восток, увозя гуда боеприпасы, горючее, продовольствие? Ведь на другой же день встанет задача подавать по воздуху окруженным частям материальные средства, вывезенные вчера из-под Курска! И тут же доложил командующему свое решение: всеми возможными транспортными средствами немедленно начать переброску материальных средств не на восток, а на запад, еще ближе к тем войскам, которые могут оказаться отрезанными от баз снабжения, — примерно в район Фатежа и западнее его. Командующему понравилось такое решение. Оно было осуществлено ценою «тотальной мобилизации» всего транспорта и человеческой энергии.

Вывод из этого факта прост и убедителен: чем реальнее угроза для войск быть отрезанными от баз снабжения и драться в окружении, тем решительнее надо сосредотачивать запасы материальных средств в непосредственной близости от этих войск.

За четыре дня ожесточенного сражения противнику удалось вклиниться в нашу оборону на глубину до двенадцати километров, а по ширине участок прорыва не превышал десяти километров. Это «достижение» обошлось ему в 42 тысячи убитых немецких солдат и офицеров и 800 уничтоженных танков. Попытка немцев перейти к обороне в районе Поныри успеха не имела. Войска Центрального фронта мощным контрударом восстановили положение, а затем перешли в контрнаступление.

Таким образом, Центральный фронт выдержал натиск огромной силы и выполнил свой священный долг перед Родиной. Он достиг этого благодаря тому, что каждый солдат, офицер, генерал глубоко понимал, чувствовал ответственность перед народом и действительно стоял насмерть, обороняя рубежи.

Непоколебимая стойкость нашей обороны обеспечивалась самоотверженной работой славных советских артиллеристов, расстреливавших в упор ползущие на них «тигры» и «фердинанды». Безотказная работа артиллерии опиралась на безотказно питавший ее тыл: не было ни одного часа перебоев в доставке снарядов к оружием.

Командование фронта своевременно и точно разгадало замысел противника, чему способствовала отличная работа наших разведчиков. И хотя разведывательные данные были разноречивыми, штаб принял правильное решение. Но какое умственное напряжение, какой глубины критический анализ потребовались от работников штаба фронта, чтобы не пойти по ложному следу, не увлечься второстепенными данными, не впасть в ошибку при оценке обстановки и подготовке своих выводов для командующего!

Да, штаб фронта под руководством такого выдающегося мастера, как генерал М. С. Малинин, оказался на высоте!

Командующий фронтом К. К. Рокоссовский, вполне доверявший своему штабу, неустанно следил за малейшими изменениями обстановки, ставил, уточнял задачи перед своими заместителями, перед отдельными службами. Его

необыкновенная выдержка, спокойствие вселяли в нас уверенность и желание с удвоенной, утроенной энергией выполнить свою служебную обязанность, свой долг.

Обстановка менялась ежедневно, ежечасно... Более мощный удар противник нанес с юга по войскам Воронежского фронта, направив главные свои силы на 6-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта И. М. Чистякова. Здесь обстановка сложилась более тревожная. За четыре дня немцы продвинулись на тридцать – сорок километров, что, по существу, означало прорыв не только тактического порядка. Лишь благодаря своевременной помощи резервов Ставки удалось выправить более чем опасное положение.

Причиной такого глубокого вклинения противника наши историки считают неправильную оценку командованием Воронежского фронта намерений противника, чрезмерное рассредоточение своих сил на фронте в 164 километра, нарезка недопустимо широкой полосы обороны для 6-й гвардейской армии, на которую был нацелен главный удар противника.

Мне бы хотелось рассмотреть этот вопрос с точки зрения расхода материальных средств тем и другим фронтом, боеприпасов в первую очередь.

По количеству стволов артиллерии и по весу боевого комплекта оба фронта находились в более или менее одинаковых условиях. Вес одного боевого комплекта в каждом фронте составил около 20 тонн. На огневые позиции артиллерии 13-й армии Центрального фронта и 6-й гвардейской армии Воронежского фронта было выложено от четырех до пяти боевых комплектов боеприпасов.

А сколько их было расстреляно за период оборонительного сражения с 5-го по 12 июля? Иначе говоря, каким количеством огня и металла была поддержана наша пехота? Сколько огня и металла обрушилось на голову противника? Ведь от этого в конечном счете зависела устойчивость обороны нашей пехоты, против которой шла такая армада танков, бронемашин и пр.

Об интенсивности огня нашей артиллерии можно судить по таким данным: за период с 5-го по 12 июля 1943 г. было израсходовано боеприпасов Центральным фронтом 1079 вагонов, а Воронежским фронтом – 417 вагонов. Почти в два с половиной раза менее интенсивно работала артиллерия Воронежского фронта в столь ответственный период Курской битвы.

13-я армия израсходовала за тот же период свыше четырех боевых комплектов. Такого большого расхода за столь короткий срок не было ни в одной армейской оборонительной операции не только в годы Великой Отечественной войны, но и в истории войн вообще.

Для большей ясности приведем данные по калибрам и в штучном исчислении.

Израсходовано за период с 5-го по 12 июля 1943 г. (в тысячах штук)

Наименование	Центральный фронт	Воронежский фронт	Разница
37 мм зенит.	118,6	24,6	4,8 раза
85 мм зенит.	8,3	1,0	8 раз
76 мм полк.	60,0	23,0	3 раза
76 мм дивиз.	274,6	182,8	1,5 раза
122 мм гауб.	60,6	11,4	5 раз
152 мм ПГ	31,6	4,0	7,5 раза

Эти данные с еще большей убедительностью показывают разницу в интенсивности артиллерийского огня. Отсюда напрашивается вывод о возможном несоответствии группировки артиллерии Воронежского фронта характеру оперативной обстановки. Вернее сказать, группировка артиллерии была обусловлена неправильным оперативным построением войск в обороне.

Меньше всего оснований предполагать, что не хватало боеприпасов, так как 6-я армия оставила противнику свой

склад с боеприпасами, которые остались невредимыми и после изгнания оттуда немцев.

Во всяком случае артиллерийским начальникам есть над чем подумать. Нет смысла замалчивать этот факт. Видимо, и «боги» ошибаются.

*Командующий Центральным фронтом
К. К. Рокоссовский вручает В. И. Казакову
орден Красного Знамени. Сентябрь 1943 г.*